ПБ
20
Ш-50

ПБ
20
Ш 50

ПОГАШЕНО
Н. Я. СТРАХОВ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНІЕ

АВТОРСКАГО ПРАВА.

Г. Ф. Шершеневича.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1890.

50

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНІЕ

АВТОРСКАГО ПРАВА.

Г. Ф. Шершеневича.

2858/1

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1890.

Оттискъ изъ Ученыхъ Записокъ Императорскаго Казанскаго Университета.

Печатать дозволяется. Казань, 2 декабря 1890 г.

Деканъ *А. Осиповъ.*

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
548399

ПОГАШЕНО
Н. Я. СТРАХОВ

Земледѣлецъ, засѣявшій свое поле и собирающій жатву, ремесленникъ, занятый изготовленіемъ вещей изъ сырого матеріала, торговецъ, пріобрѣтающій товары для дальнѣйшаго ихъ отчужденія,—всѣ они имѣютъ въ виду исключительно матеріальную выгоду, которая можетъ быть получена отъ промысловой дѣятельности. Вся цѣль подобной трудовой дѣятельности заключается въ созданіи какъ можно большей мѣновой цѣнности, которая дала бы возможность пріобрѣтенія отъ другихъ лицъ экономическихъ благъ, необходимыхъ или признаваемыхъ необходимыми для существованія. Понятіе мѣновой цѣнности составляетъ основной моментъ въ экономическомъ трудѣ; стремленіе пріобрѣсти извѣстность въ сферѣ производства сводится исключительно къ той же матеріальной выгодѣ [1]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта дѣятельность, составляя необходимое условіе физическаго и общественнаго существованія человѣка, не поглощаетъ всецѣло самихъ дѣятелей, духовная жизнь которыхъ идетъ своимъ особымъ путемъ [2]).

Совершенно иной мотивъ лежитъ въ основаніи дѣятельности представителей умственнаго труда. Художникъ, передающій на полотнѣ носящійся передъ нимъ образъ, поэтъ, выражающій

---

[1]) Въ ремесленной промышленности до нѣкоторой степени еще сохраняется профессіональная гордость, типичнымъ представителемъ которой является Буррэ въ романѣ Золя Au bonheur des dames, но по мѣрѣ расширенія объема предпріятій личность работника все болѣе теряется и трудъ его сосредоточивается исключительно на созданіи мѣновой цѣнности.

[2]) Мы не говоримъ о тѣхъ уклоненіяхъ, когда смѣшиваются средства съ цѣлью и добываніе матеріальныхъ средствъ существованія становится его единственною цѣлью.

въ гармонирующихъ словахъ свое возбужденное состояніе, ученый, излагающій въ книгѣ рядомъ логическихъ заключеній выработанную идею, — всѣ они находятъ высшее удовлетвореніе въ самомъ актѣ творчества. Основная, непосредственная цѣль ихъ дѣятельности заключается въ стремленіи закрѣпить красками, словами, тонами тѣ образы и идеи, которые носятся передъ ними въ формѣ еще неясной, незаконченной.

Кромѣ этого мотива представители духовнаго труда побуждаются къ своей дѣятельности жаждою извѣстности, славы между своими современниками. Художникъ или скульпторъ мечтаютъ о толпѣ зрителей, въ нѣмомъ восхищеніи созерцающихъ произведенія ихъ творчества, композиторъ представляетъ себѣ то душевное впечатлѣніе, которое произведетъ онъ на своихъ слушателей, ученый думаетъ о большомъ кругѣ читателей, раздѣляющихъ его взгляды [1]).

Помимо внутренняго удовлетворенія, которое испытываютъ всѣ эти лица во время самой работы, помимо стремленія къ извѣстности, въ основѣ ихъ дѣятельности лежитъ нерѣдко высокій мотивъ благотворнаго воздѣйствія на душевное состояніе и общественное положеніе людей. Авторъ драмы поглощенъ нерѣдко мыслью о нравственномъ ея впечатлѣніи на зрителей, ученый увлеченъ идеей соціальныхъ реформъ, издатель журнала или газеты поглощенъ мыслью провести извѣстное направленіе въ общество. Единственная мысль, занимающая ихъ и устраняющая всякія иныя соображенія, состоитъ въ осуществленіи ихъ идей на практикѣ. Эта благородная цѣль придала особенную прелесть многимъ поэтическимъ произведеніямъ, возбудила вниманіе и симпатію ко многимъ ученымъ сочиненіямъ.

---

[1]) «Dieses Mitdenken ist denn auch, im Vorbeigehen sey es gesagt, das einzig passende Aequivalent für Geistesunterricht, sey er mündlich oder schriftlich. Der menschliche Geist hat einen ihm angeborenen Hang, Uebereinstimmung mit seiner Denkungsart hervorzubringen; und jeder Anschein der Befriedigung desselben ist ihm die süsseste Belohnung aller angewandten Mühe. Wer wollte lehren von leeren Wänden, oder Bücher schreiben, die niemand läse. Das, was für dergleichen Unterricht an Gelde entrichtet wird, für Aequivalent anzusehen, wäre widersinnig. Es ist nur Ersatz dessen, was der Lehrer denen geben muss, die während der Zeit, dass er für andere denkt, für ihn jagen, fischen, säen und ernten». *Fichte*, Sämmtliche Werke, 1846, т. III, стр. 226 (Beweis der Unrechtmässigkeit des Büchernachdrucks).

Таковы характерные признаки духовнаго труда [1]), отличающіе его отъ чисто хозяйственной дѣятельности и дѣлающіе его болѣе пріятнымъ, чѣмъ послѣдняя [2]).

Но именно это его свойство, въ силу котораго работникъ находитъ удовлетвореніе въ самой трудовой дѣятельности, исключаетъ предположеніе о возмездной цѣли. Интеллектуальный труженикъ побуждается къ своей работѣ внутренними стимулами, вытекающими изъ его духовныхъ потребностей, но не матеріальными соображеніями. Возбужденное поэтическое состояніе, горячее слово проповѣди обусловливаются психическими и этическими мотивами, но не экономическими. Допустить подобное соображеніе значитъ подорвать силу результатовъ духовной дѣятельности. Какое нравственное вліяніе можетъ произвести на слушателей горячо прочитанная публичная лекція, когда они представятъ себѣ, что степенью этого впечатлѣнія измѣрялъ лекторъ свои матеріальныя выгоды? Какія чувства можетъ вызвать лучшая поэма въ читателѣ, который представляетъ себѣ, что она была написана ради гонорара? Включеніе подобныхъ соображеній въ трудовую дѣятельность интеллектуальнаго труженика подрываетъ ея значеніе, силу, цѣнность, тогда какъ они не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого вліянія на продукты матеріальнаго труда.

Притомъ въ сферѣ матеріальнаго производства каждый

---

[1]) Мы не противопоставимъ духовному труду физическій трудъ, потому что и хозяйственная дѣятельность требуетъ участія умственныхъ силъ человѣка какъ напр. при соображеніи коньюнктуры. Мы различаемъ трудъ не потому, производится ли онъ при содѣйствіи внѣшнихъ органовъ, или интеллектуальныхъ способностей человѣка, но по цѣли, какую имѣетъ въ виду трудъ, матеріальную или нравственную. Ср. *Schäffle*, Die nationalökonomische Theorie der ausschliessenden Absatzverhältnisse, 1867, стр. 136.

[2]) Нельзя, конечно, отвергать, что и въ хозяйственной дѣятельности физическій трудъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, доставляетъ человѣку наслажденіе. Его тяжесть испытывается только вслѣдствіе чрезмѣрности усилій, которая почти всегда сопровождаетъ физическій трудъ, когда онъ выполняется по необходимости, какъ источникъ добыванія матеріальныхъ средствъ; напротивъ умственный трудъ, какъ источникъ доходовъ въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ вызываетъ переутомленіе и возбуждаетъ непріятное къ нему чувство. Ср. *Н. Ч.*, Примѣчанія къ основаніямъ политической экономіи Милля, стр. 100 — 108; *Иванюковъ*, Политическая экономія, стр. 90 — 91.

экономическій дѣятель обмѣниваетъ продукты своего труда на продукты труда другихъ лицъ, потому что здѣсь оказываются величины соизмѣримыя, на сколько мѣновая цѣнность экономическихъ благъ обусловливается количествомъ труда, необходимаго для ихъ производства. Но произведенія духовнаго творчества и матеріальныя блага не имѣютъ такого общаго мѣрила, а вслѣдствіе того и обмѣнъ въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть мѣста [1]). Въ виду этого трудъ художника, поэта, философа, какъ лишенный матеріальной подкладки, не можетъ ожидать себѣ имущественнаго вознагражденія [2]).

Подобное положеніе представителей интеллектуальнаго труда было бы возможно только при матеріальной ихъ обезпеченности, еслибы они были свободны отъ заботъ о матеріальныхъ средствахъ [3]). Но такое состояніе предполагаетъ существованіе

---

[1]) Въ виду подобной несоизмѣримости трудно говорить, что поэты, изобрѣтатели, художники далеко не получаютъ вознагражденія, соотвѣтствующаго ихъ труду, какъ это дѣлаетъ напр. *Klostermann* (Das geistige Eigenthum, I, 1871, стр. 14). Результаты дѣятельности однихъ проявляются часто мало замѣтнымъ сразу вліяніемъ, но прочнымъ, напротивъ продуктъ труда другихъ послѣ временнаго блеска исчезаетъ безслѣдно. Какое можетъ быть найдено соотвѣтствіе между подобнымъ воздѣйствіемъ на общество и извѣстнымъ количествомъ матеріальныхъ благъ?

[2]) Таковъ взглядъ, выраженный Boileau въ его Art poétique (пѣснь IV):

Mais je ne puis souffrir ces auteurs renommés
Qui, dégoutés de gloire et d'argent affamés,
Mettent leur Apollon aux gages d'un libraire,
Et font d'un art divin un métier mercenaire.

Въ началѣ настоящаго столѣтія однимъ историкомъ (Luden) была высказана мысль: «Zu leugnen möchte auch kaum sein: in dem Handel mit Ideen liegt etwas Widersprechendes, das ein Jeder fühlt, das aber schwer aufzulösen oder zu beseitigen sein möchte *(Schürmann*, Die Rechtsverhältnisse der Autoren und Verleger, 1889, стр. 86). Позднѣе извѣстный, американскій экономистъ Кэри въ своихъ письмахъ о литературной собственности (въ нѣм. перев. 1866, Briefe über schriftstellerisches Eigenthum) отстаивалъ взглядъ, что единственнымъ вознагражденіемъ автора можетъ быть слава и распространенность его сочиненій. Особенно же энергичнымъ противникомъ защиты имущественныхъ интересовъ автора явился Прудонъ (Majorats litteraires, 1863). Со свойственнымъ ему увлеченіемъ онъ не задумывается назвать авторскій доходъ симоніей, проституціоннымъ заработкомъ—l'art qui se fait vénal, de même que la femme, qui trafique de ses charmes, ne tardera pas à se dégrader».

[3]) «Der in spirituellster Weise schaffende Autor bleibt ein Wesen von

иного экономическаго порядка, чѣмъ тотъ, который господствуетъ въ настоящее время. При современныхъ условіяхъ независимость духовнаго труда могла бы быть достигнута въ томъ случаѣ, еслибы его представитель былъ поземельнымъ собственникомъ и получалъ бы ренту, или капиталистомъ и получалъ бы опредѣленный процентъ, или предпринимателемъ и пользовался бы прибылью съ предпріятія, или наконецъ былъ бы рабочимъ и получалъ заработанную плату. Но въ значительномъ большинствѣ случаевъ лицо, посвящающее себя умственной дѣятельности, не имѣетъ ни поземельной собственности, ни капитала [1]), а чтобы быть предпринимателемъ, стать во главѣ промышленнаго предпріятія, необходимо обладать способностями, не всегда совпадающими съ тѣми, которыя даны художнику, поэту, философу. Заработываніе хлѣба въ качествѣ простого рабочаго поглотило бы все время и лишило бы возможности заниматься духовнымъ трудомъ [2]). Это лицо могло бы еще предложить свои услуги государству и получать матеріальныя средства въ видѣ платы за осуществленіе порученій, возлагаемыхъ на него въ общемъ интересѣ [3]). Обезпеченный такимъ образомъ чиновникъ могъ бы свободное время употреблять на то духовное творчество, къ которому чувствуетъ влеченіе. Но подобное положеніе не всегда согласуется съ той свободою мысли, независимостью поведенія и душевнымъ состояніемъ, которыя являются необходимыми условіями духовнаго творчества [4]).

Fleisch und Bein, er muss, wie Beaumarchais sagt, 365 Mal zu Mittag essen, wie andere Menschen». *Schäffle*, ук. соч. стр. 105.

[1]) «Es ist ja leichter, dass ein Kamel durch ein Nadelöhr geht, als dass ein Reicher tief ins Reich des Geistes eindringt, und Götterfunken vom Himmel holt. Die bahnbrechenden Genies in Litteratur, Kunst, Wissenschaft, Technik, sind selfmade men, an' deren Wiege meist die Armuth Kostgeberin ist». *Schäffle* ук. соч., стр. 106.

[2]) Рѣдкій примѣръ представляетъ Спиноза, добывавшій себѣ средства существованія шлифованіемъ оптическихъ стеколъ, но нужно обладать той великой свободой духа, какую проявлялъ этотъ философъ, чтобы отказываться отъ иныхъ способовъ матеріальнаго обезпеченія.

[3]) Подобно Френсису Бэкону или Лейбницу.

[4]) Вспомнимъ язвительныя замѣчанія Шопенгауэра по адресу нѣмецкихъ профессоровъ философіи въ предисловіи ко второму изданію (1844) его сочиненія «Міръ какъ воля и представленіе», по поводу согласованія ихъ взглядовъ съ ходомъ политики дня, съ волею министерства,

Интеллектуальные труженики тѣмъ менѣе могутъ участвовать въ народно-хозяйственной дѣятельности, что наука и искусство въ своемъ постепенномъ развитіи требуютъ все большей и большей подготовки. Какъ бы ни былъ богато одаренъ человѣкъ способностями отъ рожденія, но необходимымъ условіемъ его духовной дѣятельности является общее и спеціальное образованіе. Потребность въ подготовкѣ, выступая съ прогрессирующею настоятельностью, вызываетъ раздѣленіе труда въ наукѣ и искусствѣ. Ученыхъ, охватывающихъ всѣ отрасли зганія, на сколько они доступны въ данное время, въ родѣ Аристотеля или Альберта Великаго, болѣе не встрѣчается въ новѣйшее время; нѣтъ теперь и Леонардо да-Винчи или Микель-Анджело, соединявшихъ въ себѣ научное и художественное образованіе и притомъ послѣднее во всѣхъ его отрасляхъ. Отъ ученаго требуется знаніе всего сдѣланнаго уже въ его спеціальной научной отрасли, отъ романиста ожидается знакомство съ общей литературой, философіей, съ условіями психическаго и соціальнаго существованія современнаго человѣка.

Чѣмъ далѣе идетъ раздѣленіе труда въ области умственнаго творчества, чѣмъ большая подготовка требуется отъ интеллектуальнаго труженика, тѣмъ труднѣе, понятно, становится его положеніе въ обществѣ. Замыкаясь въ сферѣ умственной дѣятельности и отрываясь отъ народнаго хозяйства, авторъ принужденъ требовать отъ общества взамѣнъ оказываемыхъ имъ услугъ твердаго обезпеченія. Пока духовное творчество составляло случайное, единичное въ жизни человѣка проявленіе возбужденнаго чувства или выработанной мысли, требованіе матеріальнаго вознагражденія было бы неумѣстно. Но когда человѣкъ предназначаетъ всю свою жизнь на служеніе духовнымъ интересамъ общества или на интеллектуальное содѣйствіе матеріальнымъ условіямъ существованія ближнихъ, подобное требованіе вполнѣ справедливо [1]). Безъ прочнаго матеріальнаго

---

[1]) Въ области экономической эта мысль удачно схвачена *Рошеромъ*: «Wenn ein nach Hause kehrender Schulknabe für gelegentliche Zurechtweisung des Fremden ein Trinkgeld fordert, so tadeln wir ihn; kein Mensch aber wird es anstössig finden, wenn er sich zum Fremdenführer ausbildet und alsdann von seinem Berufe lebt» (System der Volkswirthschaft, 1886, B. I, стр. 4). Точно также, если кто подаетъ отдѣльный совѣтъ знакомому въ сферѣ ме-

обезпеченія, при господствѣ экономической системы, построенной на началахъ частной собственности, раздѣленія труда и взаимнаго обмѣна, интеллектуальный труженикъ былъ бы тѣмъ „лишнимъ человѣкомъ, для котораго нѣтъ мѣста на великомъ жизненномъ пиру“. Для поддержанія своего существованія онъ долженъ былъ бы обратиться къ частной благотворительности, къ милости сильныхъ и богатыхъ, которые удѣляли бы ему излишекъ своего достоянія. Но именно духовное творчество въ области науки и литературы менѣе всего допускаетъ ограниченіе самостоятельности и внутренней свободы дѣятеля.

Такимъ образомъ цѣль установленія авторскаго права мы видимъ въ необходимости матеріальнаго обезпеченія автора, въ устраненіи для него необходимости изысканія источниковъ существованія, въ обезпеченіи независимаго положенія въ обществѣ, но не въ простой охранѣ результатовъ труда, какъ это имѣетъ мѣсто въ экономической дѣятельности. Трудъ рабочаго направленъ непосредственно на пріобрѣтеніе матеріальныхъ благъ, но дѣятельность поэта, ученаго, философа имѣетъ болѣе высокую задачу и имущественныя выгоды не составляютъ цѣли ихъ труда, а потому и не могутъ быть цѣлью установленія авторскаго права [1]).

дицинской или судебной, то требованіе вознагражденія явилось бы въ этомъ случаѣ совершенно аномальнымъ; но если человѣкъ подготовляется для подачи медицинскихъ или юридическихъ совѣтовъ, то онъ можетъ настаивать на вознагражденіи, не опасаясь оскорбить общественное мнѣніе. Нерѣдко въ спорѣ одному удается убѣдить другаго въ ложности его взглядовъ и внушить ему правильныя воззрѣнія — о вознагражденіи не можетъ быть и рѣчи; но авторъ, успѣвшій своею книгою укоренить правильныя воззрѣнія въ обществѣ, можетъ требовать отъ послѣдняго матеріальнаго обезпеченія жизни, посвященной служенію истинѣ.

[1]) Противоположнаго мнѣнія держится большинство ученыхъ. Такъ *Ad. Wagner* говоритъ «Die Constituirung des geistigen Eigenthums erfolgt seitens der neueren Gesetzgebung recht eigentlich aus dem Grunde, um gerecht gegen den Arbeiter (Schriftsteller, Künstler, Techniker) zu sein und gleichzeitig hierdurch zweckmässig im volkswirthschaftlichen Interesse zu verfahren, nemlich um zu der bezüglichen Arbeit anzuspornen» (Grundlegung, 1879, стр. 573). Коммиссія, составлявшая проектъ германскаго закона объ авторскомъ правѣ 1870 года, высказалась, что «das Gesetz hat die Absicht, der geistigen Arbeit ihren Lohn zu sichern». Ср. *Schäffle* ук. соч., стр. 110: «Der Autor ist ein qualificirter Lohnarbeiter». См. еще *Janlet*, De la protection des oeuvres de la

Какимъ же образомъ возможно обезпечить матеріальное существованіе интеллектуальныхъ тружениковъ? Можетъ быть, нужно считать нежелательной зависимость ихъ отъ рыночныхъ условій, спроса со стороны общества, отъ неразвитыхъ вкусовъ грубой толпы, которую они должны еще просвѣщать? Можетъ быть, было бы цѣлесообразнѣе обезпечивать авторовъ на государственный счетъ, на подобіе должностныхъ лицъ? Но подобная мысль должна быть безъ колебанія отвергнута. Кто, въ самомъ дѣлѣ, будетъ судьею достоинствъ представленнаго произведенія? Правительство, ученые или литературные комитеты, корпоративныя учрежденія? Но какая можетъ быть оцѣнка у правительства при разсмотрѣніи самыхъ разнообразныхъ литературныхъ произведеній, требующихъ такого же разнообразія въ критикѣ [1]). Должно ли правительство выдавать вознагражденія впередъ по представленіи сочиненія или ожидать успѣха его въ обществѣ? Какую оцѣнку можетъ встрѣтить сочиненіе, написанное не въ духѣ существующаго правительства, напр. политическая сатира или ученая критика государственнаго строя и управленія. Здѣсь представлялась бы широкая область для соискательства, интригъ, оскорбленнаго самолюбія, взаимной зависти и враждебности.

А комитеты? Исторія литературы и науки показываетъ слишкомъ много примѣровъ, когда отвергались критикою произведенія, написанныя въ новомъ направленіи [2]).

Всѣ эти затрудненія, поднимающіяся немедленно при предположенномъ способѣ обезпечиванія матеріальнаго положенія авторовъ, заставляютъ безусловно отвергнуть его [3]). При суще-

---

pensée, 1887, стр. 44; *Wächter*, Das Autorrecht, 1875, стр. 2; *Rénouard*, Traité des droits d'auteurs, 1838, т. I, стр. 460; *Klostermann*, Das geistige Eigenthum, I, стр. 11.

[1]) Блестящій примѣръ несостоятельности подобнаго пріема представляетъ нашъ драматическій уставъ для столичныхъ театровъ 1827 года, производящій оцѣнку драмы по числу актовъ.

[2]) Вспомнимъ оцѣнку, какую встрѣтилъ Шекспиръ у французскихъ писателей прошлаго столѣтія или борьбу, которую выдержалъ Викторъ Гюго за «Эрнани». (*Стороженко*, Викторъ Гюго и его время, 1887, стр. 486—520).

[3]) Подобный способъ можетъ имѣть только субсидіарное значеніе въ отношеніи особенно выдающихся писателей, какъ это принято въ Германіи, гдѣ нѣкоторымъ ученымъ выдается весьма значительное содержаніе, пре-

ствованіи экономической системы, построенной на началахъ частной предпріимчивости, обязывающей каждаго лично заботиться объ условіяхъ своего матеріальнаго благосостоянія, единственно возможный способъ обезпеченія авторовъ состоитъ въ томъ, чтобы поставить ихъ на ряду съ экономическими дѣятелями и предоставить имъ, лично, на общихъ экономическихъ основаніяхъ, заботиться о своихъ интересахъ [1]).

Въ виду этихъ соображеній законъ предоставляетъ авторамъ исключительное право воспроизведенія своихъ сочиненій всѣми средствами тиснепія и запрещаетъ всѣмъ прочимъ перепечатку и распространеніе перепечатанныхъ произведеній. Нѣкоторое видоизмѣненіе въ порядкѣ защиты авторскихъ интересовъ представляютъ драматическія произведенія. Законъ защищаетъ ихъ на общемъ основаніи отъ своевольной перепечатки и распространенія со стороны другихъ лицъ. Но подобная защита является недостаточною въ виду особенностей драматическаго творчества. Драматическія произведенія предназначаются не столько для чтенія, сколько для публичнаго представленія на сценѣ. Если авторъ мечтаетъ объ успѣхѣ своей драмы, то, конечно, не путемъ чтенія со стороны единичныхъ лицъ, но въ шумной и блестящей залѣ театра. Громадное большинство пред-

---

вышающее обычную норму. Затѣмъ государство не можетъ быть лишено возможности принудительнаго выкупа у наслѣдниковъ авторскаго права, и оно должно воспользоваться имъ, когда сочиненіе имѣетъ учебное значеніе, какъ напр. произведенія классическихъ поэтовъ.

[1]) Не слѣдуетъ однако заблуждаться и представлять себѣ безусловную справедливость установленнаго порядка юридической защиты авторскихъ интересовъ, потому что ею вовсе не достигается соотвѣтствіе достоинства труда съ имущественнымъ обезпеченіемъ. Многія сочиненія долгое время не удостоиваются правильной оцѣнки со стороны современниковъ, и общество, отказываясь отъ покупки этихъ трудовъ, лишаетъ авторовъ необходимой обезпеченности. При томъ, литературное произведеніе дастъ тѣмъ большую матеріальную выгоду, чѣмъ большему общественному кругу доступно его пониманіе. «Критика чистаго разума» дастъ всегда меньшій доходъ, нежели какой-нибудь комментарій ко вновь вышедшему закону или даже систематическій сборникъ судебныхъ рѣшеній, хотя подобныя работы не требуютъ столько времени, такого умственнаго труда, какъ первыя. Чѣмъ болѣе авторъ стоитъ на уровнѣ современнаго ему общества, чѣмъ менѣе предупреждаетъ онъ свой вѣкъ, тѣмъ большая увѣренность въ обезпеченности его матеріальнаго положенія.

почтетъ посмотрѣть драму, нежели читать ее. Если бы авторъ драмы ждалъ обезпеченія только отъ продажи ея въ формѣ книги, его разсчетъ былъ бы навѣрное ошибоченъ. Притомъ каждый антрепренеръ вправѣ списать для своего собственнаго употребленія экземпляръ, который послужилъ бы для исполненія драмы на его сценѣ, и авторъ, въ виду громадныхъ имущественныхъ выгодъ, представляемыхъ его произведеніемъ антрепренеру, долженъ былъ бы довольствоваться однимъ лишь личнымъ удовлетвореніемъ. Поэтому законъ, стремясь обезпечить имущественные интересы автора, расширяетъ предѣлы юридической ихъ защиты и предоставляетъ автору право на взысканіе съ антрепренера особаго гонорара за каждое публичное представленіе.

Посредствомъ указанной защиты авторскихъ интересовъ, которая не лишена и обратныхъ сторонъ [1]), мѣновая цѣнность книги превышаетъ стоимость издержекъ по производству, бумаги и печатанія, съ присоединеніемъ процента на капиталъ

---

[1]) Нельзя скрыть того обстоятельства, что обезпеченіе имущественныхъ интересовъ автора на общихъ экономическихъ началахъ не лишено и темныхъ сторонъ, отражаясь иногда вредно на достоинствѣ литературныхъ произведеній. Имущественная выгода, которую законодатель доставилъ автору, признавъ его исключительное право, становится нерѣдко сама по себѣ цѣлью, вызывая на свѣтъ такія произведенія, которыя направлены къ удовлетворенію дурныхъ вкусовъ и тенденцій общества и въ виду этого обѣщаютъ большое распространеніе; это то, что Прудонъ назвалъ commerce de bimbelots. Здѣсь и только здѣсь находитъ себѣ подтвержденіе трудовая теорія авторскаго права, потому что только въ этихъ случаяхъ трудъ направляется согласно рыночному спросу. На западѣ, гдѣ авторы сами не издаютъ своихъ сочиненій, а отыскиваютъ издателей, появленіе книги зависитъ отъ воли послѣднихъ, которые сообразуются въ этомъ случаѣ съ своими экономическими разсчетами и рыночнымъ спросомъ. Поэтому тамъ нерѣдко слышатся жалобы, что «der Verleger den Autor theils zum Sklaven des herrchenden Zeitgeschmackes, theils zu seinem Leibeigenen mache, indem er nur die marktläufigen Producte verlege» *(Schäffle*, стр. 118). Появляются періодическія изданія, лишенныя всякаго направленія или поддѣлывающіяся подъ духъ времени, которыя пріобрѣтаютъ промышленный характеръ и приближаются къ торговымъ предпріятіямъ. Однако эта обратная сторона неизбѣжна, изъ за нея законъ не можетъ лишать авторовъ имущественнаго обезпеченія, и уже дѣло научной и литературной критики содѣйствовать истинному направленію мысли и вкусовъ.

и предпринимательской прибыли,—ту стоимость, которая имѣла бы мѣсто, еслибы перепечатываніе было предоставлено свободному усмотрѣнію каждаго [1]). Этотъ излишекъ цѣнности составляетъ достояніе автора, въ этомъ заключается обезпеченіе его интересовъ. Такимъ путемъ достигается независимость его положенія въ обществѣ, возможность посвящать все время литературной работѣ, не заботясь о способахъ добыванія матеріальныхъ средствъ.

Неоднократно появлялись попытки пріурочить авторскій гонораръ къ одной изъ категорій экономическихъ доходовъ. Мы видѣли уже, что сравненіе его съ заработною платою неудачно въ виду того, что авторъ работаетъ не изъ за вознагражденія, какъ обыкновенный рабочій. Но помимо того, сравненіе еще допустимо, когда касается гонорара, получаемаго авторомъ съ предпринятаго изданія впередъ или по мѣрѣ продажи сочиненія. Здѣсь еще возможно говорить о сравненіи автора и издателя съ рабочимъ и предпринимателемъ, и ихъ доли въ доходѣ — съ заработной платой и прибылью съ предпріятія. Но дѣло въ томъ, что авторскій доходъ не ограничивается успѣхомъ одного изданія, его имущественное право продолжаетъ существовать въ теченіе всей жизни, а это обстоятельство чуждо заработной платѣ.

Нѣкоторое сходство обнаруживается между авторскимъ доходомъ и поземельной рентой. Какъ цѣна матеріальныхъ экономическихъ благъ заключаетъ въ себѣ заработную плату, + процентъ на капиталъ, + прибыль съ предпріятія, + позе-

---

[1]) На сколько авторскій гонораръ возвышаетъ стоимость книги, можетъ показать сравнительная таблица цѣнъ, данная Кэри. Англійскія книги перепечатываются свободно въ Америкѣ, а потому въ послѣдней стоимость книги опредѣляется на общихъ экономическихъ началахъ. Возьмемъ на выдержку нѣкоторыя, наиболѣе извѣстныя сочиненія (Briefe über Schriftstellerisches Eigenthum, стр. 72). Цѣна въ долларахъ.

	въ Англіи,	въ Америкѣ
Маколей, Исторія Англіи	4,50	0,40
Hallam's, Middle Ages.	7,50	1,75
Brande's Encyclopedia.	15,00	4,00
Layard's Niniveh	9,00	1,75
Whewell's Elements of morality.	7,50	1,00
Napier's Peninsular War.	12,00	3,25

мельную ренту, такъ цѣна книги содержитъ въ себѣ три первыя величины + авторскій гонораръ [1]). Однако сходство это является только внѣшнимъ; основное различіе между авторскимъ доходомъ и поземельной рентой состоитъ въ томъ, что авторскій гонораръ входитъ въ составъ цѣны книги, тогда какъ высота поземельной ренты обусловливается и является результатомъ высокихъ цѣнъ.

Авторскій доходъ не подходитъ ни подъ одну изъ установленныхъ въ наукѣ четырехъ категорій промышленныхъ доходовъ. Онъ составляетъ особую категорію, имѣющую въ своемъ основаніи созданную закономъ монополію въ производствѣ и обращеніи особаго вида экономическихъ благъ, — книгъ [2]). Законъ искусственно поднимаетъ цѣны на матеріальные продукты духовнаго труда свыше цѣнъ, которыя установились бы при свободномъ обращеніи благъ, и этимъ создаетъ излишекъ цѣнности, предназначаемый для обезпеченія автора. Это одна изъ тѣхъ немногочисленныхъ монополій, которая не можетъ возбудить общественнаго неудовольствія въ виду безусловной ея необходимости и справедливости.

Такимъ образомъ вопросъ о необходимости установленія авторскаго права въ смыслѣ защиты имущественныхъ интересовъ духовнаго труда едва ли можетъ возбуждать сомнѣнія [3]).

Гораздо сложнѣе представляется вопросъ о предѣлахъ защиты авторскихъ интересовъ, которые неминуемо приходятъ въ столкновеніе съ общественнымъ интересомъ и требуютъ примиренія. Мы видѣли, въ чемъ состоитъ частный имущественный интересъ авторовъ, посмотримъ теперь, въ чемъ заключается интересъ общества по отношенію къ литературнымъ произведеніямъ.

---

[1]) Рентный характеръ авторскаго права выступаетъ особенно ярко въ практикѣ тѣхъ странъ, гдѣ, какъ въ Германіи, авторы сами не издаютъ своихъ сочиненій, но предоставляютъ эту задачу издателямъ. Издатель, подобно фермеру, разсчитываетъ на полученіе средней прибыли сверхъ процента на положенный въ дѣло капиталъ, а сверхстоимость выдаетъ автору, правомъ котораго онъ пользовался.

[2]) *Schönberg*, Handbuch der Politischen Oeconomie, I, стр. 1200.

[3]) Совершенно справедливо замѣчаетъ Рэнуаръ: «On peut, et l'on doit, discuter beaucoup sur la nature et sur l'étendue du droit des auteurs. Mais nier qu'ils aient un droit a tirer profit de leur travaux, ce serait nier la lumière» (ук. соч. т. I, стр. 435).

Образованіе составляетъ безъ сомнѣнія главное, основное условіе дальнѣйшаго развитія общества въ отношеніи цивилизаціи и культуры. Распространеніе образованія въ обществѣ достигается путемъ обученія и чтенія. Первый факторъ обусловливается установленною системою народнаго образованія, слѣдовательно находится въ зависимости отъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ, и направленія, котораго оно придерживается въ данное время. Чтеніе же, какъ не зависящее отъ такихъ случайныхъ теченій, обусловливаемое исключительно существующими въ обществѣ потребностями умственной пищи, представляется болѣе могущественнымъ факторомъ общественнаго образованія. Но дѣйствіе его стоитъ въ прямой зависимости отъ доступности книгъ средствамъ членовъ общества. Если книги чрезмѣрно дороги, какъ это было въ средніе вѣка, ихъ значеніе для общества крайне ничтожно. Напротивъ, когда съ открытіемъ книгопечатанія, найдена была возможность посредствомъ относительно незначительныхъ издержекъ, создавать одновременно массу экземпляровъ одного и того же сочиненія, тогда книги стали дѣйствительнымъ средствомъ распространенія просвѣщенія. Масса книгъ выбрасывается ежедневно на рынокъ, который поглощаетъ ихъ, не смотря на усиленную производительность. Нельзя не обратить вниманія на то, что книги, подобно предметамъ роскоши, не столько отвѣчаютъ наличной потребности, сколько сами вызываютъ ея существованіе. Чѣмъ дешевле этотъ родъ товаровъ, тѣмъ легче и сильнѣе достигается этотъ результатъ. Общество, заботящееся о распространеніи въ своей средѣ просвѣщенія, должно желать, чтобы цѣна книги была по возможности ниже, доступна даже для самыхъ бѣдныхъ слоевъ его. Та часть цѣны книги, которая зависитъ отъ стоимости бумаги и печатанія, сокращается постоянно по мѣрѣ техническихъ успѣховъ производства. Но въ цѣну книги входитъ, какъ мы видѣли, еще одинъ элементъ, — авторскій гонораръ, и здѣсь то именно происходитъ столкновеніе интересовъ автора съ общественнымъ интересомъ. Если существованіе этого дохода необходимо для обезпеченія существованія автора, то по крайней мѣрѣ, чѣмъ скорѣе прекратится этотъ искуственный подъемъ цѣны, тѣмъ лучше для общества, которое будетъ имѣть возможность пріобрѣтать книги по болѣе дешевой цѣнѣ. Напротивъ, съ своей частной точки зрѣнія, авторы склонны къ безграничному расширенію предѣловъ юридической защиты своихъ имущественныхъ интересовъ.

Нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что по мѣрѣ укрѣпленія этой защиты, по мѣрѣ того, какъ авторы становятся болѣе увѣрены въ защитѣ ихъ интересовъ, ростутъ ихъ притязанія. Это явленіе, замѣчаемое во всѣхъ странахъ, г. Муромцевъ характеризуетъ какъ „энергію интересовъ, пріобрѣтенную ими вслѣдствіе факта ихъ юридической защиты". „Существуя болѣе или менѣе продолжительное время, правовой институтъ воспитываетъ соотвѣтствующимъ образомъ привычки, наклонности и стремленія общества, основывая въ нихъ новый источникъ своей силы. И, когда потомъ поднимается рѣчь о дальнѣйшемъ преобразованіи института, помянутыя привычки, наклонности и стремленія приходятъ къ нему на помощь: они задерживаютъ его паденіе, если рѣчь идетъ объ уничтоженіи института, и ускоряютъ его расширеніе, если послѣднее служитъ содержаніемъ реформы [1])". Авторы, когда имъ представляются случаи публично высказать свой взглядъ на авторскіе интересы, какъ это было на брюссельскомъ съѣздѣ 1858 и парижскомъ 1878, высказываются за возможно большую ихъ защиту и уравненіе авторскаго права съ правомъ собственности, т. е. за превращеніе его въ вѣчное и наслѣдственное. Если чувство справедливости требуетъ обезпеченія имущественнаго положенія авторовъ, то безусловно невѣрно, будто достоинство и богатство литературы находятся въ прямомъ отношеніи къ степени защиты интересовъ интеллектуальнаго труда [2]), именно потому что авторъ творитъ не для достиженія подобной обезпечности, а для проявленія во внѣ своихъ идей и образовъ, что̀ составляетъ для него настоятельную потребность.

Различныя системы защиты авторскихъ интересовъ, предлагаемыхъ теоріею и существующихъ или существовавшихъ въ положительномъ законодательствѣ, сводятся къ тремъ. Авторское право можетъ быть a) только пожизненнымъ, до смерти автора, b) продолжающимся нѣкоторое число лѣтъ послѣ смерти автора или c) переходящимъ по наслѣдству безъ ограниченія срокомъ. Разсмотримъ положительныя и отрицательныя стороны каждой изъ указанныхъ системъ.

I. Если законъ, защищая имущественные интересы автора, имѣетъ въ виду обезпеченіе его матеріальнаго положенія и

---

[1]) *Муромцевъ*, Авторское право (Юрид. Вѣстникъ 1879, № 3).

[2]) *Klostermann*, Das geistige Eigenthum, I, стр. 17.

доставленіе ему той независимости въ обществѣ, которая составляетъ необходимое условіе духовнаго творчества, то естественно ожидать, что такая защита будетъ продолжаться въ теченіе всей жизни автора. Это условіе составляетъ minimum защиты, безъ котораго она не достигнетъ своей основной цѣли. Въ высшей степени не цѣлесообразно охранять автора въ періодъ его силы и энергіи и оставить безъ обезпеченія на старости, когда потеряны уже творческія способности.

Допущеніе свободной перепечатки сочиненій автора еще при жизни его являлось бы грубымъ нарушеніемъ не только имущественыхъ, но и личныхъ его интересовъ [1]). Если авторъ не ослѣпленъ своимъ успѣхомъ, значеніемъ своихъ работъ, если онъ сохраняетъ еще способпость идти дальше по пути развитія и изученія, онъ всегда будетъ недоволенъ своимъ трудомъ, и величайшимъ желаніемъ его является дождаться новаго изданія, чтобы имѣть возможность сдѣлать соотвѣтствующія измѣненія. Свободная перепечатка лишала бы его подобной возможности, потому что, еслибы одинъ издатель и согласился на переработку, то другіе могли бы выпустить книгу въ прежнемъ видѣ, и публика оставалась бы въ неизвѣстности относительно достоинствъ настоящаго изданія. Наконецъ, нѣкоторые авторы по прошествіи значительнаго числа лѣтъ, оглядываясь на свою прошедшую дѣятельность, остаются нерѣдко недовольны той или иной стороною ея. Многіе авторы охотно уничтожили бы слѣды своихъ раннихъ произведеній [2]). Если это невозможно вполнѣ, то по крайней мѣрѣ за ними остается право не допускать новыхъ изданій, остановить дальнѣйшее распространеніе. Свободная перепечатка лишила бы ихъ этого утѣшенія, и на глазахъ авторовъ, противъ ихъ воли, распространялись бы подъ ихъ именемъ идеи, противъ которыхъ они готовы возстать всей душой.

Между тѣмъ встрѣчаются среди наиболѣе выдающихся ученыхъ такіе, которые отстаиваютъ противоположный взглядъ. Къ ихъ числу принадлежитъ извѣстный экономистъ и соціо-

---

[1]) *Филиппов*, О правѣ собственности на произведенія наукъ и словесности (Отеч. Зап. 1872, іюль, стр. 495).

[2]) Лучшимъ примѣромъ является Вольтеръ, стыдившійся въ старости своей «Pucelle».

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
548399

логъ, Шефлэ [1]). Онъ находитъ слишкомъ долгими обыкновенно принимаемые въ законодательствахъ сроки, вслѣдствіе чего авторское право ложится бременемъ на общество. Шефлэ предполагаетъ, что изъ 100 сочиненій 96 навѣрное дадутъ въ продолженіе 15—20 лѣтъ вполнѣ достаточное вознагражденіе. Если защита обусловливается продолжительностью жизни автора, то нарушается справедливость по отношенію къ самымъ сочиненіямъ, развѣ произведенія рано погибшаго Шиллера заслуживаютъ меньшей защиты, нежели умершаго въ глубокой старости Гёте? Поэтому онъ предлагаетъ поставить защиту авторскихъ интересовъ независимо отъ продолжительности жизни авторовъ и ограничить извѣстнымъ срокомъ со времени изданія, не болѣе 20—25 лѣтъ.

Сопоставленіе Шиллера съ Гёте представляется мало убѣдительнымъ. То обстоятельство, что сочиненія втораго изъ указанныхъ поэтовъ защищались дольше, чѣмъ сочиненія перваго, не имѣетъ никакого соотношенія съ ихъ литературнымъ достоинствомъ, но вытекаетъ изъ самой цѣли закона. Если законъ задался цѣлью обезпеченія матеріальнаго положенія автора, то онъ долженъ исполнить свою задачу, пока живетъ авторъ, т. е. пока онъ нуждается въ подобной обезпеченности. Можно было бы говорить объ оскорбленіи Шиллера, еслибы при жизни законъ отступился отъ него, продолжая защиту Гёте.

Что касается предположенія Шефлэ о томъ, что большинство сочиненій даютъ доходъ въ первые годы своего появленія, то оно подтверждаетъ только то, что большинство сочиненій послѣ перваго своего распространенія теряетъ общественное значеніе и исчезаетъ съ рынка. То меньшинство сочиненій, которое не поддается быстрой оцѣнкѣ и не доставляетъ авторамъ немедленнаго вознагражденія, заслуживаетъ, быть можетъ, наибольшей защиты. Поэтъ, ученый, философъ, неоцѣненные въ первое время появленія ихъ произведеній, какъ напр. Артуръ Шопенгауэръ, вслѣдствіе ли трудности ихъ пониманія или несоотвѣтствія со взглядами и вкусами современниковъ, добиваются наконецъ признанія со стороны послѣдпихъ, и въ то время, какъ общество бросается жадно на ихъ сочиненія, раскупаетъ ихъ, какъ имя ихъ передается изъ устъ въ уста

---

[1]) *Schäffle* ук. соч., стр. 171—173.

и слава повсюду разносится,—они лишаются защиты, и нищіе, быть можетъ, принуждены смотрѣть на обогащеніе издателей. Выходитъ, что чѣмъ раньше человѣкъ проявилъ свои духовныя способности, тѣмъ меньше можетъ онъ ожидать защиты [1]).

Все это заставляетъ отвергнуть всякую попытку ограниченія авторскаго права до смерти автора. Но слѣдуетъ пойти нѣсколько далѣе и признать, что имущественные интересы автора не довольствуются пожизненною защитою и требуютъ еще нѣкотораго расширенія [2]).

Въ самомъ дѣлѣ, издатель, соглашаясь на выпускъ сочиненія, руководствуется матеріальнымъ разсчетомъ, большею или меньшею скоростью, съ какою изданіе можетъ разойтись. Но всѣ эти разсчеты могутъ неожиданно разрушиться смертью автора, послѣ которой станутъ появляться одно за другимъ новыя, болѣе дешевыя изданія, а книги перваго издателя останутся въ складѣ. Понятно, что подобную возможность будетъ имѣть въ виду каждый издатель при выпускѣ каждаго сочиненія. Какой же гонораръ можетъ ожидать авторъ при такихъ условіяхъ? Чѣмъ больше рискъ, тѣмъ больше премія предпринимателя и тѣмъ меньше доля вознагражденія, причитающаяся автору. Вопросъ не измѣняется и при иныхъ бытовыхъ условіяхъ, когда сочиненія выпускаются не издателями, но, какъ у насъ, самими авторами. Авторъ долженъ затратить на выпускъ сочиненія значительную сумму, можетъ быть, съ лишеніями собранную прежнимъ трудомъ. Не задумается ли авторъ бросить на изданіе свое сбереженіе, котораго онъ напрасно лишитъ свою семью въ случаѣ смерти; его дѣти не воспользуются результатами этого изданія и останутся безъ поддержки.

Поэтому для полнаго обезпеченія матеріальнаго существованія автора необходима защита авторскаго права не только въ теченіе всей жизни, но и нѣкоторое время по смерти,—время необходимое для того, чтобы могло разойтись изданіе [3]).

---

[1]) Это особенно относится къ поэтамъ, напр. у насъ къ Пушкину, Лермонтову, но касается также и другихъ сферъ умственнаго труда, какъ напр. Писарева, Добролюбова.

[2]) Система пожизненной защиты авторскихъ интересовъ существуетъ въ настоящее время только въ одной Турціи по закону 11 сентября 1872 года (*Lyon-Caen et Delalain*, Lois françaises et étrangères sur la propriété littéraire et artistique, 1889, т. I, стр. 563).

[3]) Средній срокъ, необходимый для распродажи изданія, считается

II. Несравненно большее распространеніе имѣетъ противоположная тенденція безграничнаго расширенія авторскаго права во времени, превращенія его въ вѣчное, подобно праву собственности.

Именно послѣднее сравненіе является главною причиною стремленій расширить авторское право. Нельзя отвергать того несомнѣннаго психическаго факта, что употребленіе неправильнаго термина, постепенно по мѣрѣ своего распространенія, становится причиною извращенія самого понятія, соединяемаго съ нимъ [1]). Дѣйствительно большинство защитниковъ вѣчнаго авторскаго права берутъ исходнымъ пунктомъ сравненіе его съ правомъ собственности, сравненіе, давно укоренившееся въ обществѣ благодаря нѣкоторымъ сходственнымъ чертамъ этихъ двухъ институтовъ права. Основной принципъ указаннаго воззрѣнія сводится къ афоризму, высказанному недавно умершимъ Альфонсомъ Карромъ: que la proprieté littéraire soit enfin une proprieté! Такъ на парижскомъ съѣздѣ литераторовъ было выставлено положеніе, принятое значительнымъ большинствомъ голосовъ: „авторское право является одною изъ формъ собственности, а потому право автора, его наслѣдниковъ или пріемниковъ должно быть вѣчно [2])“. Этотъ взглядъ на безсрочность авторскаго права раздѣляютъ и юристы, считающіе его за право собственности [3]). Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о юридической вѣрности воззрѣнія на авторское право какъ на собственность, мы должны признать, что это положеніе,

---

обыкновенно въ 10 лѣтъ, см. *Delalande,* Etude sur la propriété litteraire et artistique, 1880, стр. 15. Наше законодательство предполагаетъ срокъ вдвое короче, именно 5 лѣтъ (т. X, ч. 1, ст. 420 прил., ст. 3).

[1]) *Миллъ,* Система логики, т. II, кн. IV, гл. 4.

[2]) *Боборыкинъ,* Авторы, ихъ права и положеніе, (Слово за 1878, сентябрь и октябрь, стр. 44).

[3]) *Foscolombe,* Essai sur la propriété litteraire: «Si la propriété litteraire a le meme fondement et meme nature que la propriété foncière, puisqu' elles ne seront que deux formes differentes d'une meme chose, il sera juste d'attribuer à celle-ci les effets de celle-là et tout ce qui sera vrai de l'une le sera également de l'autre» (стр. 4); *Janlet* ук. соч. стр. 48; «Nous avons la conviction que le principe de la propriété intellectuelle, mis en lumière par les progrès de la science, ne tardera pas â être accepté d'une manière uniforme, et assurera définitivement, à tous les auteurs, une protection digne de leurs labeurs et de leur génie». *Табашниковъ,* Литературная собственность, стр. 173.

скрывающее въ себѣ petitio principii, ничего не разъясняетъ, во первыхъ потому, что требуется еще доказать возможность включенія его въ право собственности, а во вторыхъ даже признаніе этого не служитъ подтвержденіемъ требованію вѣчности авторскаго права. Объемъ права собственности не одинаковъ и разнообразится, смотря по объекту: въ одномъ случаѣ законодатель установляетъ большія ограниченія, въ другомъ меньшія. Даже, признавъ авторское право правомъ собственности, законодатель не лишаетъ себя права установлять всевозможныя ограниченія въ интересахъ общества, въ томъ числѣ ограниченіе во времени осуществленія.

Болѣе сильные доводы заключаются не въ юридической конструкціи авторскаго права, но въ охраняемомъ имъ интересѣ. Утверждаютъ, что авторъ, какъ и всякій иной членъ общества, какъ семьянинъ, озабоченъ обезпеченіемъ не только личнымъ, но и своей семьи. Несправедливо лишать автора, какъ частнаго человѣка, утѣшительной мысли, что онъ оставляетъ дѣтей обезпеченными, не нуждающимися въ благотворительности. Эта мысль можетъ служить, говорятъ, лучшимъ возбудителемъ его энергіи, поощреніемъ къ усердному труду и усиливать его производительность. Общество чувствовало бы себя неловко при видѣ бѣдствующихъ дѣтей поэта, ученаго, философа, доставившаго столько пользы и наслажденія этому обществу, какъ напр. при видѣ нищенствовавшихъ внуковъ Мильтона. Какъ можетъ общество смотрѣть равнодушно на обогащеніе издателей выдающатося писателя, когда потомство послѣдняго нуждается, быть можетъ, въ пріютѣ, въ кускѣ хлѣба. Съ точки зрѣнія личной даже обезпеченности автора вѣчное наслѣдственное право доставитъ ему болѣе выгодъ въ сдѣлкахъ его съ издателями.

Но всѣ эти доводы представляются мало убѣдительными. Не говоря уже о томъ, что продолжительная защита имѣетъ значеніе только для весьма незначительнаго числа авторовъ, громадное большинство которыхъ переживаетъ послѣднее изданіе своихъ сочиненій, даже для выдающихся писателей вѣчное право не представитъ никакихъ особенныхъ выгодъ сравнительно съ современнымъ срочнымъ правомъ. Лично, для автора, выгода теряется потому, что при желаніи, съ его стороны продать свое сочиненіе, ни одинъ издатель не дастъ ему свыше стоимости нѣсколькихъ изданій. А если издатели установятъ

обычай полнаго отчужденія права со стороны автора? Извѣстно, насколько начинающіе авторы находятся въ зависимости отъ своихъ издателей, взявшихъ на себя роль выпустить въ свѣтъ сочиненія, достоинство которыхъ и пріемъ со стороны читающей публики не извѣстны. Это грозило бы переходомъ авторскихъ правъ въ семьи издателей [1]). Едва ли такой оборотъ дѣла можно считать желательнымъ.

Установленіе вѣчности авторскаго права создало бы необыкновенныя затрудненія для издателей въ виду многочисленности и неизвѣстности наслѣдниковъ. Неудобства, соединенныя съ подобнымъ правомъ, были указаны уже Наполеономъ I. „Литературная собственность", замѣтилъ онъ, „является правомъ на вещь не матеріальную, которое съ теченіемъ времени и вслѣдствіе наслѣдованія раздѣлится между множествомъ лицъ и въ концѣ концовъ будетъ ничьимъ, потому что трудно себѣ представить, какимъ образомъ эта масса собственниковъ, часто удаленныхъ другъ отъ друга, можетъ быть незнакомыхъ между собою, согласится и установитъ условія новаго изданія сочиненій ихъ автора. А между тѣмъ, если они не сойдутся и если за ними одними признается право изданія, можно думать, что лучшія книги выйдутъ безусловно изъ обращенія [2])".

Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые выдающіеся писатели сохраняютъ свое значеніе въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, какъ напр. Мольеръ, Корнель, Расинъ. Потомство ихъ за это время можетъ представить значительное число [3]); чѣмъ больше ростетъ оно, тѣмъ болѣе ослабляется личная связь между ними, такъ что съ теченіемъ времени они будутъ не извѣстны другъ другу. Въ какое же положеніе поставленъ издатель, желающій приступить къ выпуску сочиненій? Какимъ путемъ получитъ онъ согласіе на изданіе? Въ виду риска и опасностей процесса, издатель совершенно оставитъ мысль изданія классическихъ писателей. Для общества безразлична судьба земли, дома, капитала, дѣлимаго и оспариваемаго наслѣдниками, но для него

---

[1]) *Delalande*, ук. соч. стр. 16.

[2]) *Rénouard*, ук. соч. т. I, стр. 387.

[3]) Въ мотивахъ къ французскому закону 1866 года были сдѣланы Рише вычисленія: предполагая 2 наслѣдниковъ у автора и предполагая такое же потомство у каждаго наслѣдника, мы получимъ въ концѣ одного столѣтія 64 лица, а въ концѣ третьяго — 4096.

не безразлична судьба сочиненія, пріобрѣвшаго извѣстность и имѣющаго образовательное значеніе.

Главная сила аргументовъ въ пользу вѣчности авторскаго права заключается въ необходимости обезпеченія имущественнаго положенія потомства автора. Однако не слѣдуетъ забывать, что законъ, защищая имущественные интересы автора, обезпечивая его матеріальное положеніе, имѣетъ въ виду доставить ему наиболѣе удобныя условія для духовнаго труда. Это соображеніе составляющее основную экономическую цѣль закона, не можетъ имѣть примѣненія въ отношеніи наслѣдниковъ. Совершенно правильно выразился Викторъ Гюго на литературномъ съѣздѣ 1878 года, что „существуютъ только двѣ истинно заинтересованныхъ стороны: авторъ и общество; интересъ наслѣдника, хотя и весьма почтенный, идетъ уже за ними". При сопоставленіи интересовъ автора и общества возможна еще борьба, которая однако должна рѣшиться въ пользу перваго, потому что матеріальное обезпеченіе автора составляетъ условіе его творчества, а слѣдовательно условіе общественнаго интереса. Но интересъ наслѣдника совершенно меркнетъ передъ общественнымъ, и борьба ихъ не равна. Съ одной стороны имущественный интересъ лица, ничего не сдѣлавшаго обществу, единственное достоинство котораго заключается въ происхожденіи отъ знаменитаго писателя, съ другой — интересъ общественнаго образованія, воспитанія, народнаго обученія.

Да и кто эти наслѣдники? Защищать ихъ интересы можно было бы еще тогда, когда дѣло касается дѣтей автора, о судьбѣ которыхъ онъ думалъ, создавая свои произведенія. А если это отдаленные родственники, не имѣвшіе никакой личной связи съ авторомъ, можетъ быть незнакомые ему, можетъ быть даже враждебные? Справедливо ли создавать въ ихъ пользу ничѣмъ незаслуженную монополію въ ущербъ общественному интересу? Конечно, можно сказать, что подобныя возраженія примѣнимы и къ настоящему праву собственности, зачѣмъ допускать отдаленныхъ родственниковъ къ наслѣдованію, отчего не разрушить совсѣмъ наслѣдственнаго права? Но подобныя замѣчанія не ослабляютъ силы возраженій противъ наслѣдственнаго перехода авторскаго права. Во первыхъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что самыя основы общаго наслѣдственнаго права по отношенію отдаленныхъ родственниковъ въ настоящее время далеко не такъ прочны въ наукѣ, что особенно вырази-

лось въ научной литературѣ, далекой отъ всякихъ соціалистическихъ увлеченій, когда пришлось коснуться вопроса о налогѣ съ наслѣдства. Во вторыхъ, въ пользу наслѣдованія вообще говорятъ тысячелѣтнія традиціи, оно вошло въ народное правосознаніе, укрѣпилось въ немъ и не мало потребовалось бы труда, чтобы устранить убѣжденіе въ справедливости такого порядка. Но наслѣдственность авторскаго права далеко еще не въ такомъ положеніи. Въ народное правосознаніе она не проникла, всѣ положительныя законодательства, за исключеніемъ мексиканскаго [1]), не допускаютъ вѣчной преемственности авторскаго права. Слѣдовательно сравненіе съ общимъ наслѣдованіемъ должно признать неудовлетворительнымъ.

Но помимо искуственной и совершенно излишней дороговизны книгъ, создаваемой переходомъ авторскаго права къ наслѣдникамъ, можно опасаться еще худшаго. Наслѣдники, пользуясь своимъ правомъ, могутъ остановить дальнѣйшее распространеніе несимпатичнаго имъ произведенія или даже совершенно его уничтожить. „Предположимъ“, указалъ Эдмундъ Абу на съѣздѣ 1878, „что монсиніоръ Дюпанлу наслѣдуетъ произведенія Вольтера, онъ поспѣшитъ, разумѣется, уничтожить ихъ. Слѣдовательно, нельзя допускать, чтобы наслѣдники могли, хотя бы и въ теченіе 20 лѣтъ, сдѣлать безплоднымъ произведеніе, которое должно принадлежать всѣмъ [2])“.

Такимъ образомъ въ виду указанныхъ соображеній слѣдуетъ отвергнуть вѣчный, наслѣдственный характеръ авторскаго права, независимо отъ признанія его за право собственности или самостоятельную форму права.

III. Мы признали съ одной стороны недостаточность защиты авторскихъ интересовъ въ предѣлахъ жизни автора, съ

---

[1]) Гражд. уложеніе, 1871 года, ст. 1253 *(Lyon-Caen et Delalain,* Lois françaises et étrangères sur la propriété litteraire et artistique, 1889, т. II, стр. 132).

[2]) *Боборыкинъ,* ук. соч., стр. 45. Ср. *Rénouard,* т. I, стр. 470: «Non seulement il deviendra loisible à l'avarice de tout héritier de paralyser la circulation de l'ouvrage, non seulement son avidité pourra impunément en ralentir, en renchérir la propagation, mais encore, pour un peu d'argent, tout parti puissant, tout gouvernement ombrageux, tout auteur rival, toute spéculation de concurrence seront maitres de l'anéantir. L'héritier de Pascal aura pu se vendre aux Jésuites et frapper d'interdit les Provinciales».

другой — чрезмѣрность ея при безсрочномъ преемствѣ. Исходя изъ того взгляда, что юридическая защита имущественныхъ интересовъ автора направлена къ обезпеченію матеріальнаго существованія автора и доставленію ему той независимости, которая составляетъ необходимое условіе духовнаго творчества, слѣдуетъ сдѣлать заключеніе, что срочные предѣлы авторскаго права должны ограничиваться жизнью автора и нѣкоторымъ временемъ послѣ этого момента, необходимымъ для того, чтобы послѣднее изданіе могло разойтись, напр. 5—10 годами. Между тѣмъ современныя законодательства устанавливаютъ чрезвычайно продолжительные сроки, 50 и даже 80 лѣтъ. Если предположимъ, что лучшія произведенія пишутся въ возрастѣ отъ 25 до 40 лѣтъ, и что авторъ можетъ прожить 60—70 лѣтъ, то мы получимъ, что въ теченіе какихъ-нибудь 100 или болѣе лѣтъ сочиненіе не можетъ дождаться дешеваго изданія, доступнаго общественной массѣ [1]). Но много ли найдется произведеній, которыя пережили бы этотъ срокъ? При быстромъ ходѣ культуры и общественнаго развитія, проявляемомъ въ настоящее время, литературныя произведенія все скорѣе и скорѣе старѣютъ. Ученыя сочиненія должны быть безусловно вычеркнуты изъ общественнаго достоянія, потому что ни одно не выдержитъ 50 — 100 лѣтняго испытанія. Если же нѣкоторыя изъ нихъ и сохраняютъ свое значеніе, то лишь для небольшаго ученаго круга, для котораго разница въ цѣнѣ отдѣльной книги не составляетъ важности. Господствующая форма изящной литературы, романъ, также не можетъ надѣяться на сохраненіе значенія по прошествіи продолжительнаго времени. Сочиненія Золя, пользующіяся рѣдкою въ исторіи литературы распространенностью, не могутъ ждать, чтобы черезъ 50 лѣтъ по смерти автора нашлись лица, кромѣ ученыхъ критиковъ, которыя бы заинтересовались ими.

Поэтому установленіе такихъ долгихъ сроковъ приравниваетъ фактически срочное авторское право къ вѣчному и вслѣдствіе того должно встрѣтить всѣ возраженія, которыя были выставлены противъ безсрочнаго авторскаго права. Интересъ обще-

---

[1]) Насколько высота цѣны книги обратно пропорціональна ея распространенности, можетъ показать примѣръ поразительно быстрой распродажи сочиненій Пушкина, изданныхъ въ тотъ годъ, когда они стали общественнымъ достояніемъ.

ственнаго образованія, школьнаго обученія должны быть признаны выше интереса наслѣдниковъ автора. Если послѣдній дѣйствительно думалъ объ ихъ судьбѣ, онъ всегда можетъ сдѣлать сбереженія, которыя обезпечатъ ихъ существованіе на первое время. Если же ему это не удалось, можетъ быть, вслѣдствіе поздняго успѣха его сочиненій, то заботу о судьбѣ его дѣтей должно принять на себя, по примѣру греческихъ республикъ, само государство. При сохраненіи же современнаго порядка обществу приходится радоваться ранней смерти писателей, какъ напр. Байрона, Пушкина, Лермонтова, потому что, еслибы они дожили до глубокой старости, общество до сихъ поръ не имѣло бы дешевыхъ изданій своихъ поэтовъ — явленіе несомнѣнно уродливое и нежелательное. „Есть поводъ думать“, говоритъ г. Спасовичъ, „что институтъ разросся не въ мѣру, и что не мѣшало бы, не искореняя его, отсѣчь нѣкоторыя дикія вѣтки, произвести значительныя сокращенія“ [1]). Только съуженіе предѣловъ защиты авторскихъ интересовъ до указанныхъ выше размѣровъ, отвѣчая основной цѣли права, способно примирить вполнѣ два одинаково почтенныхъ интереса — автора и общества.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

[1]) *Спасовичъ*, Вопросъ о такъ называемой литературной собственности (Вѣстникъ Европы, 1874, т. 47, стр. 463).